

Новости ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

ЕСЛИ подойти с модными мерками «современного» к новому фильму С. Герасимова «Люди и звери», то на первый взгляд многое в нем покажется архаичным, и любителей «быстроты» (все равно какой: передвижений, панорам, решений, узнавания, выводов и т. д.) заставит елозить на стуле, проявляя нетерпение. Как обстоятельно! Как длинно!

Но как недостает нашей литературе — наряду с превосходными стихами и динамичными повестями — большого, развернутого романа о современности, помогающего познать жизнь в ее многообразии, в сложных связях и соотношениях. Недостает его и кинематографу.

С. Герасимов в самый разгар споров о новом языке, иной динамике и выразительности в кино выступает с киноманом «Люди и звери», ведя повествование неторопливо, проникновенно, уважительно к людям.

Вначале кажется, что это фильм-путешествие. Путешествие Алексея Павлова из-за рубежа домой, к своему брату в Севастополь. После плена он провёл 17 лет в скитаниях по чужим землям. Все, что теперь на родной земле встречается и случается — дорожные знакомства, попутчики, непредвиденные обстоятельства, — все эти эпизоды в сюжетной традиции кинематографа, приведшей к созданию отличных, и плохих фильмов. Но в фильме есть не только движение вперед по дорогам России. Есть и возвращение назад, к прошлому, которое вспомнить вроде бы и не к чему, но забыть тоже нельзя.

— Да, вы-то уж повидали всего, — говорит слушающая его девочка Таня, дочь старой знакомой Павлова, его попутчицы. Но главное ли это — увидеть? Не важнее ли понять? И вот тут начинается другое путешествие, более важное — вглубь, в характеры и судьбы людей, выражающие особенности нашего времени.

В раздумья Павлова, в видения его прошлого, сткрятые только зрителю, врывается жаждущая правды Таня. Ее вопросы как бы повсрачивают безжалостно и жестоко мысли Павлова назад — к самой трудной поре его жизни, требуют ответа на главное.

И странное дело: как много проходит перед нами стремительных эпизодов жизни Павлова на чужбине, но ждешь вот этих разговоров на привале. Скорее всего потому, что истории героя позволяют автору посвятить нас в свои раздумья над жизнью, над ее современными сложностями. Вот эта глубокая заинтересованность судь-

бами людей привлекает нас к тем сценам, где пылливый девичий ум проникает в мудрость жизни.

После бессмысленного кружения в вихре удовольствия западной молодежи еще чище, яснее и ближе нам взгляд юной Тани, ее умной, понимающей многое матери, задумчивость героя... И встреч с ними ждешь. Не слишком ли долго порой?

Сцены, происходящие на Западе, кажутся излишне подробными и навяз-

ПУТЕШЕСТВИЕ БЫЛО ПОЛЕЗНЫМ

Н. КЛАДО

чивыми в желании нагнетать одно зло на другое, одну мерзость на вторую. Особенно затянуты сцены в Гамбурге, где наряду с острым изображением модернизированной церкви, «кетча» — перебор в разоблачении германской молодежи... Пожалуй, затянута и Аргентина, потому что не вскрыта сложность положения и переживаний Алексея, он лишен какой-либо привязанности, хотя бы чувственного влечения к Марье Николаевне. Потому и разрыв так прост, хотя роман тянется необъяснимо долго. Лишь чувство, пусть и не вызывающее нашей симпатии, могло как-то объяснить жизнь Алексея в доме у плантаторши. Лишь оно могло помочь понять, хотя и не оправдать его задержку там. А в фильме все время поворачивают его к ней спиной — так сглаживается трудность разрыва, исчезает драма, становятся необъяснимыми в этих эпизодах «хождения по мукам» героя, и не попытавшегося за долгие годы вернуться на Родину.

Думается, здесь художник изменил принципу внимания и понимания и уступил «соображению», а может ли вообще советский офицер увлечься эмигранткой? Как всегда, такие будто бы высокие, а в действительности мелкие соображения нарушают правду характера и произведения.

Итак, эпизоды путешествия героя по чужбине — не самое интересное в фильме. Почему? Ведь это — жизнь главного героя! Но так ли? Если судить по месту в сюжете, то, конечно, Алексей Павлов — герой фильма. Столько выстрадал. Он вызывает сострадание... Но... его пассивность? Семнадцать лет не один день. И не месяц. Почему он не вернулся? И оказывается, что эта фигура выведена на центральное место не для восхищения и даже не для сострадания (замечу, что во всех эпизодах на Западе Павлову не

так уж плохо), а для понимания, осмысления! Понять — не значит согласиться. Не значит простить.

За познанием человека выступает задача художника — познание мира. Его сложностей.

Есть ум персонажей, а есть ум картины, и он в ее идее, во взгляде автора, в его размышлениях. Ум картины Герасимова не в интеллектуальном уровне его персонажей, а в авторской идее.

Таня спрашивает Павлова: — Скажите, какой зверь самый страшный? (После его слов, что в людях живут разные звери). И Павлов отвечает: — Пожалуй, заяц. Таня, подумав, согла-

шается с ним. А он уж повидал и шакалов, и тигров, и змей предостаточно. Но назвал зайца. Нашел его в себе. Его биография подтверждает такой вывод. В этом ключ к идее фильма.

И поэтому фильм — страстный призыв к человеческой активности против зла, против зверей! Здесь его современность. Не случайно фильм был показан в дни Всемирного конгресса борцов за мир. Лозунг тот же.

В чем вина и беда Павлова? В уходе от боя. Таков вывод из жизни, прожитой Алексеем Павловым. Таков и ответ на невольный вопрос: почему он не вернулся раньше?

А кто же герой картины? Неужели его нет? Есть. Но он многолик. Это те, кто преодолел в себе «зайца» и кто никогда не чувствовал его в себе.

Мне думается, что главный герой фильма — молодежь. Наша молодежь показана в фильме строго, иногда жестоко, но без охаивания, любовно. Я бы сказал, она поддержана художниками в главном — в честности, искренности, стремлении жить большими заботами времени.

Даже черствость Тани, неприятие «жалостливости», наивности матери как бы закладывают фундамент для ее непримиримости к несправедливости. И через этот образ угловатой, скептически относящейся к идеализму своих предков девушки пробивается непоколебимая вера в правду, в ее торжество, в ее естественность на земле.

— Мы не можем этого допустить, — говорит Таня. И с ней соглашается ее сверстник Юра.

Чего же они не могут допустить? Подлости! Несправедливости! Того, что Юра называет «пошлостью» жизни. Жизнь не по совести — «заячью жизнь»! От этой молодежи туман не скроет горизонта.

Герасимова когда-то называли «комсомольским режиссером». Несколько фильмов о молодежи: «Люблю ли тебя», «Семеро смелых», «Комсомольск», затем «Молодая гвардия» — действительно подтверждали заинтересованность режиссера проблемами, стоящими перед молодежью, ее судьбами. И в этом фильме чуть ли не главное место занимает отношение молодежи ко всему происходящему. И самое удачное здесь — великолепные молчаливые планы Тани, будто вбирающей в себя, в свою «копилку» души все, что происходит кругом.

Жанна Болотова изумительно играет паузы, копил в них впечатления, умеет передать напряженность мысли и при сдержанности выражений кипучую страстность, непримиримость натуры Тани.

Тамара Макарова играет сложную роль — дидактика высказываний умело скрашивается задушевностью интонаций, юмором, как бы пониманием своей неправоты в воспитании Тани, но что, мол, поделаться: я мать. И иначе не могу. Зато в решающий момент, когда Таня проявляет твердость, мать на ее стороне. Эта сцена на телеграфе сыграна актрисой ответственно и выразительно. Может быть, несколько пассивен и успокоен Н. Еременко в роли Павлова, но ведь ему еще предстоит многое понять и изменить в себе. Же-

стоко сыграли Н. Медведева и В. Дорони «благополучную» семью — это верный и умный гротеск.

Среди многих актерских удач нельзя не выделить князя Львова-Щербацкого в блестящем концертном исполнении Сергея Герасимова. Его герой — «червяк», считающий себя человеком. И в нем есть свое «достоинство», как бы говорит актер, безжалостно разоблачая этого «российского интеллигента», скатившегося в эмиграции до приживала. Умение в таком полузабытом современниками человеке обнажить социальный тип — большое достижение актера.

Неторопливо ведет Герасимов зрителя за собой, не заискивая перед ним, не суется, поверяет свои раздумья, останавливается вместе с ним, чтобы полюбоваться любимой природой.

Влюбленность режиссера Герасимова и оператора В. Рапопорта в лица людей, в русские пейзажи, в которые, кроме извечных красот, вписываются и новые современные приметы, создает впечатление целостности окружающего мира — его человечности, доброты, органичности... Этот русский колорит еще больше приближает фильм к традиционным произведениям русского реализма, оваянного поэзией, раздумьями над жизнью, совестливостью, заботой о судьбах мира, глубоким, проникновенным вниманием к человеку, к его переживаниям.

Повторю, мне думается, что искусство не может полностью ответить на духовные запросы человека только поэмами, повестями и новеллами, как бы они ни были хороши. Зрелость литературы измеряется тем, есть ли в ней многоплановый реалистический роман. Уверен, что этот закон действителен и для кинематографа.

Современно ли произведение Герасимова? По-моему, да. И своевременно!